

Дата

Участники всемирного форума поэзии в Магнитогорске, 2002 г.

В душе мы все поэты

Сегодня Всемирный день поэзии. Этот праздник учреждён ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) в резолюции 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, принятой 15 ноября 1999 года.

Как отмечалось в решении ЮНЕСКО, цель учреждения праздника – «придать новый импульс и новое признание национальным, региональным и международным поэтическим движениям».

Литературоведы всех времён и народов до сих пор бьются, кто же именно был первым стихотворцем. Речь идёт об устном творчестве.

Как известно, поэзия – это соотнесённые отрезки художественной речи, организованные по числу слогов или ударению. Она возникла в качестве словесного сопровождения ритуальных танцев. Не случайно поэты долгое время не читали свои стихи, а пели их в сопровождении какого-нибудь нехитрого музыкального инструмента. Это были гусли, домбры, лиры, арфы.

Поэзия и сегодня недалеко ушла от музыки: те же законы ритма и метра, те же особенные роли и интонации. Лиричность и образность остаются главными принципами её существования. Поэтому нередко, как и музыку, поэзию трудно разложить на смысловые составляющие, зато легко прочувствовать и принять душой.

Доподлинно известно, что первые записанные поэтические строки в истории европейской литературы принадлежат перу Архилоха, который 6 апреля 648 года до нашей эры написал поэтический экспромт по поводу сражения фаросцев с персами. Первые полноценные европейские рифмы встречаются у раннехристианского поэта и священника Седулия. Первое полностью рифмован-

ное произведение – латинское «Instructiones» сирийского поэта Коммодиана. Первое хокку, каким его прочла просвещённая Европа, написал Мацуо Басё, первый сонет – Якопо да Лентини, нотариус в момент первых чувств любви или нахлынувших житейских переживаний. Это зачастую несовершенно, но искреннее «творение» раскинуло перед сочинителем все богатства мировой поэзии. Написавшему его казалось, что он стал поэтическим первооткрывателем. Пусть хотя бы и для одной человеческой жизни. А в душе ведь мы все поэты.

Наш легендарный город никогда не был обделён поэтическими талантами. В историю советской литературы уже вписаны имена Бориса Ручьёва, Михаила Люгарина, Людмилы Татьяничевой, Нины Кондратовской, Владилена Машковцева, Риммы Дышаленковой, Александра Павлова, Юрия Костарева, Бориса Попова, Николая Яшина, Юрия Ильясова. Сегодня плодотворно творят поэты Александр Ерофеев, Игорь Варламов, Олег Щуров, Марина Казачая, Виктор Калугин, Игорь Заморский, Валерий Евдокимов, Виктор Навдущ, Елена Холодова, Наталья Карпичева и другие.

Значение магнитогорской поэзии было оценено на международном уровне. В марте 2002 года наш город стал столицей Всемирного дня поэзии. Магнитка гостеприимно встречала поэтов зарубежных стран. Их стихи звучали на разных языках мира в цехах комбината, в студенческих и школьных аудиториях, в библиотеках и Дворцах культуры.

✍ Станислав Рухмалёв

Сергей Щетников и Станислав Рухмалёв вручают подарок президенту Академии поэзии России Валентину Устинову

Наследие

Конец месяца апреля

Дом мой ледоколом на причале лёг от города и до реки

Тихо сгасли
звёзды-недоτροги
по ручьям,
разбившим лёгкий лёд.
Зяблики спустились
на дороги
и совсем забыли про полёт.
Скоро вся окрестность
похмелела,
солнце становилось
на ребро,
и шатались сосны,
по колону
в снежной пене
горных погребов.
Закачалась речка,
льды срезая,
переправы руша, и на льду
заметался,
закружился заяц,
зимогор, почувшавший беду.
Грудь разбил
и окровавил губы
и от боли лёг, а из-за скал
грозно выходили лесорубы,
город мой
оымил в крутые трубы,
синим пеплом
снег пересыпал.

Дом мой
ледоколом на причале
лег от города и до реки.
Ровно в полдень
в двери постучали
лёгким топорищем земляки.
Самый старший
повстречал поклоном,
поднял зайца со своей груди,
отдал мне
и наказал спокойно:
– Зверь исходит кровью.
Отходи...
Только и сказал я:
– Не просите...

В дом прошёл;
не слыша никого,
зайца положил
на синий ситец,
на подушки,
к солнцу головой.
Приходил с забоев вечерами
и сидел над койкой до утра,
в белые повязки
кутал раны,
в жёлтые
листья целебных трав.
А об этом
со смешиной лаской,
тихо, тихо, будто не дыша,
матери
рассказывали сказки
всем светлоголовым
малышам.
В полдень
приходили металлисты,
школьники кричали
у дверей,
и дарили
ягодник-трехлистник
девушки
с цветных оранжерей.
В полночь
в окнах просыхали стёкла,
и, шаги прохожих затая,
до зари
заглядываясь в окна,
город весь
на цыпочках стоял.
А часы стучали,
льдины прели,
десять раз
по ним прошла заря,
в комнате остались
от апреля
серые листки календаря.
На заре проснулся
длинноухий:

вынул спину,
к солнцу прыгнул сам,
длинные повязки
лёгким пухом
разметал
по каменным углам.
В эту пору
площади дрожали
от колёс сажённых
и подков.
В праздничных нарядах
горожане
рудобоев в горы провожали
открывать
созвездья рудников.
Через все мосты
и перевозы,
через каждый лог и перевал
понесли железные обозы
чёрный хлеб
и белый аммонит.
Самородным золотом
каймлёны,
плыли ровно,
ветру вперекат,
длинные багровые знамёна
у пехоты горной на руках.
А посбочь дороги,
через скалы,
не касаясь дна,
пыль вылась
да вершинки скакали,
кайлами звеня о стремена.
И когда сирены протрубили
далеко, у самых облаков,
увидали все на битой пыли
изразцовый след
автомобилей,
гусениц рубцы
да сечь подков.
Был короткий
от разлуки вечер,
незаметно канувший
во тьму;
полушалками окутав плечи,

Борис Ручьёв
(1913–1973 гг.)

удивились женщины ему.
Школьники вернулись
в стёжки улиц
и не замечали сгоряча,
что эскадры
в лужах потонули,
мельницы разбились
на ручьях.
Но уже в кострах
на горных тропах
обтекали пеной котелки.
Будто в день
всемирного потопа
диким
спотыкающимся скопом
звери пробивались на белки.
Бурей завывали
волчьи стаи,
лось ревел
и задыхалась рысь
так, что в красных
глотках клокотали
пеной
отражённые костры.
И, гремя моторами,
по следу,
через все разливы полых рек
шёл на труд,
на битву и победу
нежный-нежный
сердцем человек.

1935

Два континента на истоке

Исток Урала неглубокий,
Со всех сторон я на краю:
Одной ногой
стою в Европе,
Другую – в Азии стою.

В раздумье попираю доски,
Гляжу на воду и траву.
Как будто бы
колосс Родосский,
Совсем не в мифе – наяву.

Когда-то здесь
орда ступала,
А в ту войну себе на грех
Сам бесноватый до Урала
Решил расширить
третий рейх.

Нарвался не на те пороги,
Разбив крутые корабли.

Заехал не на те дороги,
Что к шифоту привели.

Забыл за пивом и сосиской,
Как здесь
приветствуют врага.
Помстилось,
что колосс Российский
Стоит на глиняных ногах.

Два континента на истоке
Я ощущать перестаю...
Одной ногой
стою в Европе,
Другую – в Азии стою.

Побольше нас
печась о судьбах мира,
Дав неразумной пастве
кровь и плоть,

Глядит на нас
в озоновые дыры,
Как на голых дураков
Господь.

У жизни
поднебесного подножья
Влачимся от беды
и до беды,
Забывшие
про заповеди Божьи
Всё пожинаем
горькие плоды.

Как видно,
дьявол взял нас на поруки,
На весь бедлам
взирая свысока...
Себя мы сами
обрекли на муки
И не узрели выхода пока.

Александр Павлов
(1950–2011)

От старца
и до малого ребёнка
Покрыты тленом,
ржою и паршой,
Ещё нам долго
ёкать селезёнкой
И слёзы лить,
и вздрагивать душой.

И строим не ковчег мы,
а галеру,
Медлительного яда
пригубя...

И будет так,
пока плюём на веру,
Пока во мгле
не разглядим себя.

О мудреце и дураке

Я скажу пока что naïвиво,
Паутинкой по лицу:
По одной дорожке
хаживать
Дураку и мудрецу.

К дураку ли за безделицу,
Мудреца ли за дела
Прилетели – не разделятся
Их похожие тела.

Это в Пизе башни падают,
А у нас надёжен строй:
К мудрецу с его лопатой
Прикреплён дурак с метлой.

И кому нужны оттенки,
Коль выходит то на то –

Ни угла у них, ни стеночки,
Ни пальто и ни авто.

Одинаковыми дозами
Пьют без закуси первак.
Мудрый –
с вечными вопросами,
И с ответами – дурак.

Мудрый холост
от рождения,
Дурень до смерти один –
Отживут без продолжения
И растают, словно дым...

Им войти бы в соглашение,
Разделиться б меж собой,

С двух сторон
начать сражение
С промежуточной средой,

Отобразь бы
у посредственных
Свой законный минимум –
Одному бы
на бесребренность,
А другому бы – на ум.

Но среда, не лыком шитая,
Разделяться не даёт –
Как затопает, зашикает,
Как скамандует вперёд,

Как направит их комиссия
В дом, где вылетат всемя,

Николай Якшин
(1950–2011)

Одного – от недомыслия,
А другого – от ума.